

1001 ночь.

Рассказ о третьем путешествии

Сказка о Синдбаде-мореходе

Знайте, о братья, и выслушайте от меня рассказ о третьем путешествии; он более удивителен, чем рассказы, услышанные в предыдущие дни, а Аллах лучше всех знает сокровенное и всех мудрее.

В минувшие и давно прошедшие времена я вернулся из второго путешествия и жил в крайнем довольстве и веселье, радуясь моему благополучию. Я нажил большие деньги, как я рассказал вам вчерашний день, и Аллах возместил мне все то, что у меня пропало; и я пробыл в Багдаде некоторое время, живя в крайнем счастье, радости, довольстве и веселье, и захотелось моей душе попутешествовать и прогуляться, и стосковалась она по торговле, наживе и прибыли, – душа ведь приказывает злое.

И я решился и купил много товаров, подходящих для поездки по морю, и связал их для путешествия и выехал с ними из города Багдада в город Басру. Я пришел на берег реки и увидел большой корабль, где было много купцов и путников – все добрые люди и прекрасный народ, верующие, милостивые и праведные; и сел с ними на этот корабль, и мы поехали с благословения Аллаха великого, с его помощью и поддержкой, радуясь, в надежде на благо и безопасность. И ехали мы из моря в море и от острова к острову и из города в город, и в каждом месте, где мы проезжали, мы гуляли и продавали и покупали, и испытывали мы крайнюю радость и веселье. И в один из дней мы ехали посреди ревущего моря, где бились волны, и вдруг капитан, стоявший на краю палубы и смотревший на море, стал бить себя по лицу, свернул паруса корабля, бросил якоря, выщипал себе бороду и разодрал на себе одежду и закричал великим криком. "О капитан, в чем дело?" спросили мы его; и он сказал: "Знайте, о мирные путники, что ветер осилил нас и согнал с пути посреди моря, и судьба бросила нас, из-за нашей злой доли, к горе мохнатых. А это люди, подобные обезьянам, и никто из достигших этого места не спасся. И мое сердце чувствует, что мы все погибли".

И не закончил еще капитан своих слов, как пришли к нам обезьяны и окружили корабль со всех сторон, и были они многочисленны, словно саранча, и распространились на корабле и на суше. И мы боялись, что, если мы убьем одну из них, или ударим, или прогоним, они нас убьют из-за своей крайней многочисленности (ведь многочисленность сильнее доблести); и страшились мы, что они разграбят наше имущество и товары. А это самые гадкие звери, и на них волосы точно черный войлок, и вид их устрашает, и никто не понимает их речи и ничего о них не знает. Они дичатся людей, и у них желтые глаза и черные лица; они малы ростом, и высота каждого из них – четыре пяди.

И обезьяны забрались на канаты и порвали их зубами и также порвали все канаты на корабле со всех сторон, и корабль накренился и пристал к их горе; и когда корабль оказался у берега, обезьяны схватили всех купцов и путников и вышли на остров и взяли корабль со всем, что на нем было, и ушли с ним своей дорогой, оставив нас на острове; и корабль скрылся от нас, и мы не знали, куда его увели.

И мы остались на этом острове и питались его плодами, овощами и ягодами и пили из рек, протекавших на нем, и вдруг показался перед нами выстроенный дом, стоявший посреди острова. И мы направились к нему и пошли в его сторону, – и вдруг оказалось, что это дворец с крепкими столбами и высокими стенами; его ворота с двумя створами были открыты, и сделаны они были из черного дерева. И мы вошли в ворота этого дворца и увидели обширное пространство, подобное широкому большому двору, и вокруг этого двора было много высоких дверей, а посередине его стояла высокая большая скамья, подле которой находились сосуды для стряпни, висевшие над жаровнями, а вокруг них лежало много костей. Но мы не увидели здесь никого и удивились этому до крайней степени. И мы посидели немного во дворе этого дворца, а затем заснули и спали от зари до захода солнца; и вдруг земля под нами задрожала, и мы услышали в воздухе гул, и вышло к нам из дворца огромное существо, имевшее вид человека, который был черного цвета и высокого роста и походил на громадную пальму. Его глаза были подобны двум горящим головням, и у него были клыки, точно клыки кабана, и огромный рот, точно отверстие колодца, и губы, как губы верблюда, которые свешивались ему на грудь, и два уха, точно громадные камни, спускавшиеся ему на плечи, а когти на его руках были точно когти льва.

И, увидев существо такого вида, мы исчезли из мира, и усилился наш страх, и увеличился наш испуг, и стали мы точно мертвые от сильного страха, горя и ужаса..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок седьмая ночь

Когда же настала пятьсот сорок седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Синдбад-мореход и его товарищи увидели это существо с ужасным обликом, их охватил величайший страх и испуг. И когда этот человек ступил на землю, – говорил Синдбад, – он посидел немного на скамье, а затем поднялся и подошел к нам. Он схватил меня за руку, выбрав меня среди моих товарищей купцов, и поднял одной рукой с земли и начал щупать и переворачивать, и я был у него в руке точно маленький кусочек.

И человек ощупал меня, как мясник щупает убойную овцу, и увидел, что я ослаб от великой грусти и похудел из-за утомления и пути и на мне совсем нет мяса, и выпустил меня из рук и взял другого из моих товарищей и стал его ворочать, как меня, и щупать, как меня щупал, – и тоже выпустил его; и он не переставал нас щупать и переворачивать одного за другим, пока не дошел до капитана, на корабле которого мы плавали.

А это был человек жирный, толстый, широкоплечий, обладавший силой и мощью, и он понравился людоеду, и тот схватил его, как мясник хватает жертву, и бросил его на землю и поставил на его шею ногу и сломал ее. И потом он принес длинный вертел и вставил его капитану в зад, так что вертел вышел у него из маковки, и зажег сильный огонь и повесил над ним этот вертел, на который был воткнут капитан, и до тех пор ворочал его на углях, пока его мясо не поспело. И он снял его с огня и положил перед собой и ровнял его, как человек разнимает цыпленка, и стал рвать его мясо ногтями и есть, и продолжал это до тех пор, пока не съел мяса и не обглодал костей, ничего не оставив. И человек этот бросил остатки костей в уголь и затем, посидев немного, свалился и заснул на этой скамье и стал храпеть, как храпит баран или прирезанная скотина, и спал до утра, а затем поднялся и ушел своей дорогой.

И когда мы убедились, что он далеко, мы начали разговаривать друг с другом и плакать о самих себе и сказали: "О, если бы мы утонули в море или съели бы нас обезьяны! Это было бы лучше, чем жариться на углях! Клянемся Аллахом, такая смерть – смерть скверная, но что хочет Аллах то бывает! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Мы умрем в тоске, и никто о нас не узнает, и нет для нас больше спасения из этого места!"

И потом мы поднялись, и вышли на остров, чтобы присмотреть себе место, куда бы могли спрятаться или убежать, и нам показалось легко умереть, если наше мясо не изжарят на огне.

Но мы не нашли себе места, чтобы укрыться в нем, а нас уже настиг вечер, и мы вернулись во дворец из-за сильного страха.

И мы посидели немного, и вдруг земля под нами задрожала, и пришел тот черный человек и, подойдя к нам, стал нас ворочать одного за другим, как и в первый раз. И он щупал нас, пока один из нас ему не понравился, и тогда он схватил его и сделал с ним то же самое, что сделал с капитаном в первый раз: он изжарил его и съел, и заснул на скамье, и проспал всю ночь, храпя, как прирезанная скотина.

А когда взошел день, он встал и ушел своей дорогой, оставив нас, как обычно; и мы сошлись все вместе и стали разговаривать и говорили друг другу: "Клянемся Аллахом, если мы бросимся в море и умрем от потопления, это будет лучше, чем умереть от сожжения, ибо такая

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

смерть отвратительна!" – "Выслушайте мои слова, – сказал один из нас. – Мы должны ухитриться и убить этого человека и избавиться от забот и избавить мусульман от его вражды и притеснения". – "Послушайте, о братья, – сказал я, – если его непременно нужно убить, то нам следует перенести эти бревна к берегу и перетащить туда часть этих дров и сделать для себя судно, наподобие корабля, а после этого мы ухитримся его убить, сядем на судно и поедем по морю в любое место, куда захочет Аллах, или же мы будем сидеть в этом месте, пока не пройдет мимо нас корабль, и тогда мы сядем на него. Если же мы не сможем убить этого человека, мы уйдем и поплывем по морю, – хотя бы мы утонули, мы избавимся от поджаривания на огне и убиения. Если мы спасемся, то спасемся, а если утонем, то умрем мучениками". – "Клянемся Аллахом, это правильное мнение!" – сказали все; и мы сговорились об этом деле и начали действовать.

Мы вынесли бревна из дворца и сделали судно и привязали его у берега моря, а потом мы сложили туда коекакую пищу и вернулись во дворец; и когда наступил вечер, земля вдруг задрожала, и вошел к нам тот черный людоед, подобный кусливой собаке. И он стал нас переворачивать и щупать одного за другим, и, взяв одного из нас, сделал с ним то же самое, что с предыдущим, и съел его, и заснул на скамье, и храп его был подобен грому.

И мы поднялись и взяли два железных вертела, из тех вертелов, что стояли тут же, и положили их на сильный огонь, так что они покраснели и стали как уголья, и мы крепко сжали их в руках и подошли к этому человеку, который спал и храпел, и, приложив вертела к его глазам, налегли на них все вместе с силой и решимостью и воткнули их ему в глаза, когда он спал. И глаза его ушли внутрь, и он закричал великим криком, так что наши сердца устрашились, а затем он решительно встал со скамьи и начал искать нас, а мы убегали от него направо и налево; но он не видел этого, так как его глаза ослепли. И мы испугались его великим страхом и убедились в этот час, что погибнем, и потеряли надежду на спасение; а этот человек пошел ощупью к воротам и вышел, крича, и мы были и величайшем страхе, и земля дрожала под нами от его громкого крика.

И этот человек вышел из дворца (а мы следовали за ним) и ушел своей дорогой, ища нас, а потом он вернулся, и с ним была женщина, огромнее его и еще более дикого вида; и когда мы увидели его и ту, что была с ним, еще более ужасную, чем он, мы испугались до крайней степени.

И, увидев нас, они поспешили к нам, а мы поднялись, отвязали судно, которое сделали, и, сев в него, толкнули его в море. А у каждого из этих двоих был громадный кусок скалы, и они бросали в нас камнями, пока большинство из нас не умерло от ударов; и осталось только три человека: я и еще двое..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала пятьсот сорок восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Синдбад–мореход сел на судно вместе со своими товарищами, черный и его подруга стали бросать в них камнями, и большинство людей умерло, и осталось из них только три человека.

"И судно пристало с нами к берегу, и мы шли до конца дня, – говорил Синдбад, – и пришла ночь, и мы были в таком положении. И немного поспали и пробудились от сна, и вдруг дракон огромных размеров с большим телом преградил, нам дорогу и, направившись к одному из нас, проглотил до плеч, а затем он проглотил остатки его, и мы слышали, как его ребра ломаются у дракона в животе, и дракон ушел своей дорогой. Мы удивились этому до крайней степени и стали горевать о нашем товарище, испытывая великий страх за самих себя, и сказали: "Клянемся Аллахом, вот удивительное дело: каждая смерть отвратительнее предыдущей. Мы радовались, что спаслись от чернокожего, но радость оказалась преждевременной. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!

Клянемся Аллахом, мы спаслись от чернокожего людоеда и от потопления, но как нам спастись от этой зловещей беды?" И затем мы поднялись и стали ходить по острову, питаясь плодами, пили воду из каналов, и пробыли там до вечера. И мы увидели большое и высокое дерево и, взобравшись на него, заснули на верхушке, и я поднялся на верхнюю ветку. Когда же настала ночь и стемнело, пришел дракон и, осмотревшись направо и налево, направился к тому дереву, на котором мы сидели, и шел до тех пор, пока не дошел до моего товарища; он проглотил его до плеч и обвился вокруг дерева, и я слышал, как кости съеденного ломались в животе у дракона, а потом дракон проглотил его до конца, и я видел это своими глазами.

После этого дракон слез с дерева и ушел своей дорогой, а я провел на дереве остаток ночи; когда же поднялся день и появился свет, я сошел с дерева, подобный мертвому от сильного страха и испуга, и хотел броситься в море и избавиться от земной жизни, но жизнь моя не показалась мне ничтожной, так как жизнь для нас дорога. И я привязал к ногам, поперек, широкий кусок дерева, и привязал еще один такой же – на левый бок и другой такой же – на правый бок, и такой же я привязал на живот, и другой, длинный и широкий, я привязал себе на голову – поперек, как тот, который был под ногами, и оказался я между этими кусками дерева, которые окружали меня со всех сторон. И я крепко обвязался и бросился на землю со всеми этими кусками дерева и лежал между ними, а они окружали меня, точно комната. И когда настала ночь, пришел этот дракон, как обычно, и посмотрел на меня и направился ко мне, но не мог меня проглотить, так как я был в таком положении, окруженный со всех сторон кусками дерева.

И дракон обошел вокруг меня, но не мог до меня добраться, а я это видел и был как мертвый от сильного страха и испуга, и дракон то удалялся от меня, то возвращался и делал это не переставая, но всякий раз, как он хотел до меня добраться и проглотить меня, ему мешали куски дерева, привязанные ко мне со всех сторон. И он делал так от заката солнца, пока не взошла заря и не появился свет и не засияло солнце, и тогда он ушел своей дорогой в крайнем гневе и раздражении, а я протянул руку и отвязал от себя эти куски дерева, – и я как бы побывал среди мертвых из–за того, что испытал от этого дракона.

И я поднялся и стал ходить по острову и, дойдя до конца его, бросил взгляд в сторону моря и увидел вдали корабль посреди волн. И я схватил большую ветку дерева и стал махать ею в сторону ехавших, крича им; и они увидели меня и сказали: "Нам обязательно следует посмотреть, что это такое, может быть это человек". И они приблизились ко мне и, услышав, что я кричу им, подъехали и взяли меня к себе на корабль. Они стали расспрашивать меня, что со мной случилось, и я рассказал им обо всем, что со мной произошло, с начала до конца, и какие я вытерпел бедствия; и купцы крайне удивились этому, а потом они одели меня в свои одежды и прикрыли мою срамоту и подали мне кое–какую еду, и я ел, пока не насытился. И меня напоили холодной пресной водой, и мое сердце оживилось, и душа моя отдохнула, и охватил меня великий покой, и оживил меня Аллах великий после смерти. И я прославил Аллаха великого за его обильные милости и возблагодарил его, и моя решимость окрепла после того, как я был убежден, что погибну, и мне показалось даже, что все, что со мной происходит, – сон.

И мы продолжали ехать, и ветер был попутный, по воле Аллаха великого, пока мы не приблизились к острову, называемому ас–Салахита, и капитан остановил корабль около этого острова..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок девятая ночь

Когда же настала пятьсот сорок девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что корабль, на который сел Синдбад–мореход, пристал к одному острову, и все купцы и путники сошли и вынесли свои товары, чтобы продавать и покупать.

"И хозяин корабля обратился ко мне, – говорил Синдбад–мореход, – и сказал мне: "Выслушай мои слова! Ты чужестранец и бедняк, и ты рассказывал нам, что испытал многие ужасы. Я хочу быть тебе полезным и помочь тебе добраться до твоей страны, и ты будешь за меня молиться". – "Хорошо, – ответил я ему, – мои молитвы принадлежат тебе". – "Знай, – сказал капитан, – что с нами был один путешественник, которого мы потеряли, и мы не знаем, жив он или умер, и не слышали о нем вестей. Я хочу отдать тебе его тюки, чтобы ты их продавал на этом острове и хранил бы их, а мы дадим тебе что–нибудь за твои труды и службу. А то, что останется из них, мы возьмем и, вернувшись в

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

город Багдад, спросим, где родные этого человека, и отдадим им остаток товаров и плату за то, что продано. Не желаешь ли ты принять их и выйти с ними на этот остров, чтобы их продавать, как продают купцы?" – "Слушаю и повинуюсь, о господин, тебе присущи милости и благодеяния", – ответил я и пожелал капитану блага и поблагодарил его; и тогда он велел носильщикам и матросам вынести товары на остров и вручить их мне. И корабельный писец спросил его: "О капитан, что это за тюки выносят матросы и носильщики, и на имя кого из купцов мне их записывать?" – "Напиши на них имя Синдбада-морехода, который был с нами и потонул у острова, и к нам не пришло о нем вестей, – сказал капитан. – Мы хотим, чтобы этот чужестранец их продал и принес за них плату; мы отдадим ему часть ее за его труды при продаже, а остальное мы повезем с собой в город Багдад; если мы найдем их владельца, мы отдадим их ему, а если не найдем, то отдадим его родным в городе Багдаде". – "Твои слова прекрасны и мнение твое превосходно", – отвечал писец.

И когда я услышал слова капитана, который говорил, что эти тюки на мое имя, я воскликнул про себя: "Клянусь Аллахом, это я – Синдбад-мореход! Я тонул у острова вместе с теми, кто утонул".

Затем я набрался стойкости и терпения, и когда купцы сошли с корабля и собрались, беседуя и разговаривая о делах купли и продажи, я подошел к хозяину корабля и сказал ему: "О господин мой, знаешь ли ты, кто был владелец тюков, которые ты мне вручил, чтобы я их за него продал?" – "Я не знаю, каково его состояние, но это был человек из города Багдада, которого звали Синдбад-мореход, – отвечал капитан. – Мы пристали к одному острову, и подле него утонуло много народа с корабля, и он тоже пропал в числе других, у нас нет о нем вестей до сего времени".

И тогда я испустил великий крик и сказал: "О мирный капитан, знай, что это я – Синдбад-мореход! Я не утонул, но когда ты пристал к острову и купцы и путники вышли на сушу, я вышел с прочими людьми и со мной было кое-что, что я съел на берегу острова. И затем я отдыхал, сидя в том месте, и взяла меня дремота, и я заснул и погрузился в сон, а поднявшись, я не увидел корабля и не нашел подле себя никого. Это имущество и эти товары – мои товары, и все купцы, которые торгуют камнем алмазом, видели меня, когда я был на алмазной горе, и засвидетельствуют, что я Синдбад-мореход, так как я рассказывал им свою историю и говорил им о том, что случилось у меня с вами на корабле, и я говорил им, что вы забыли меня на острове, спящего, а поднявшись, я не нашел никого, и случилось со мной то, что случилось".

Услышав мои слова, купцы и путники собрались вокруг меня, и некоторые из них мне верили, а другие считали меня лжецом; и вдруг один из купцов, услышав, что я говорю о долине алмазов, поднялся и, подойдя ко мне, сказал купцам: "Выслушайте, о люди, мои слова! Я рассказывал вам о самом удивительном, что я видел в моих путешествиях, и говорил, что, когда мы бросили куски мяса в долину алмазов, я бросил свой кусок, следуя обычаю; и с моим куском прилетел человек, который уцепился за него. И вы мне не поверили, а, напротив, – объявили меня лжецом". – "Да, – отвечали ему, ты рассказывал нам об этом деле, и мы тебе не поверили". – "Вот человек, который прицепился к моему куску мяса, – сказал купец. – Он подарил мне алмазные камни, которые дорого стоят, и подобных им не найти, и дал мне больше камней, чем раньше поднималось на моем куске мяса. Я взял его с собой, и мы достигли города Басры, и после этого он отправился в свою страну и простился с нами, а мы вернулись в наши страны. Это тот самый человек, и он сообщил нам, что его имя Синдбад-мореход, и рассказывал нам, как корабль ушел, когда он сидел на острове. Знайте, что этот человек пришел к нам сюда только для того, чтобы подтвердить слова, которые я говорил вам. Все эти товары – его достояние: он рассказывал нам о них, когда встретился с нами, и правдивость его слов стала ясна".

И, услышав слова этого купца, капитан поднялся и, подойдя ко мне, вглядывался в меня некоторое время, а потом спросил: "Каковы признаки твоих товаров?" – "Знай, – ответил я, – что признаки моих товаров таковы и такие-то". И я рассказал капитану об одном деле, которое было у меня с ним, когда я сел на его корабль в Басре, и он убедился, что я Синдбад-мореход, и обнял меня, и пожелал мне мира, и поздравил меня со спасением. "Клянусь Аллахом, о господин мой, – воскликнул он, – твоя история удивительна и дело твое диковинно, но слава Аллаху, который соединил нас с тобой и вернул тебе твои товары и имущество..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот пятидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда капитану и купцам стало ясно, что он и есть именно Синдбад-мореход, капитан сказал ему: "Слава Аллаху, который вернул тебе твои товары и имущество!"

"И тогда, – продолжал Синдбад-мореход, – я умело распорядился своими товарами; товар мой принес в это путешествие большую прибыль, и я обрадовался великой радостью и поздравил себя со спасением и с возвращением ко мне моего богатства.

И мы продавали и покупали на островах, пока не достигли стран Синда. И там мы тоже продали и купили, и видел я в тамошнем море многие чудеса, которых не счесть и не перечислить; и среди того, что я видел в этом море, была рыба в виде коровы и нечто в виде осла, и видел я птиц, которые выходят из морских раковин и кладут яйца и выводят птенцов на поверхности воды, никогда не выходя из моря на землю.

А после этого мы продолжали ехать, по соизволению Аллаха великого, и ветер и путешествие были хороши, пока мы не прибыли в Басру. Я провел там немного дней, и после этого прибыл в город Багдад и отправился в свой квартал и, придя к себе домой, приветствовал родных, друзей и приятелей; и я радовался моему спасению и возвращению к родным, в мою страну, землю и город, и раздавал милостыню, и дарил и одевал вдов и сирот, и собирал моих друзей и любимых, и проводил так время за едой, питьем и развлечениями и забавами. Я хорошо ел и пил, и дружил, и водился с людьми, и забыл обо всем, что со мной случилось, и о бедствиях и ужасах, которые я вытерпел, и я нажил в этом путешествии столько денег, что их не счесть и не исчислить. И вот самое удивительное, что я видел в это странствие. А завтра, если захочет Аллах великий, ты придешь ко мне, и я расскажу тебе о четвертом путешествии: оно удивительнее, чем те поездки".

Потом Синдбад-мореход велел, по обычаю, дать Синдбаду сухопутному сто мискалей золота и приказал расставлять столы; и их расставили, и все собравшиеся поужинали, дивясь рассказу Синдбада и тому, что с ним произошло. А после ужина все ушли своей дорогой, и Синдбад-носильщик взял то золото, которое приказал ему дать Синдбад-мореход, и ушел по своему пути, дивясь тому, что он слышал от Синдбада-морехода. Он провел ночь у себя дома, а когда наступило утро и засияло светом и заблестало, Синдбад-носильщик поднялся и, совершив утреннюю молитву, пошел к Синдбаду-мореходу. Он вошел к нему, и Синдбад-мореход приветствовал его и встретил радостно и весело и посадил с собой рядом; а когда пришли остальные товарищи Синдбада, подали еду, и все поели и попили и развеселились, и тогда Синдбад начал свою речь.